

Динамика и дифференциация доходов населения Алтайского края с начала рыночных реформ

Dynamics and Differentiation of the Population Incomes in the Altay Kray since the Beginning of Market Reforms

Получено 13.03.2016 Одобрено 20.03.2016 Опубликовано 25.03.2016

УДК 316.442

СЕРГИЕНКО АЛИЕ МУСТАФАЕВНА

доктор социологических наук, доцент, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН, Лаборатория социально-экономических исследований Алтайского края, ведущий научный сотрудник;
E-mail: a.m.sergienko@mail.ru

SERGIYENKO ALIYE MUSTAFAYEVNA

Leading Resercher, Doctor of Sociology, Associate Professor, Laboratory of Socioeconomic Research of the Altay Kray. Institute of Economics and Industrial Engineering of SB RAS

E-mail: a.m.sergienko@mail.ru

Аннотация

В статье представлены результаты статистического анализа динамики и дифференциации доходов населения Алтайского края на фоне России и регионов Сибирского федерального округа. Описаны тенденции изменения среднедушевых доходов населения и среднемесячной начисленной заработной платы работников организаций, реальных доходов и зарплаты, структуры доходов, бедности и неравенств по доходам на трех этапах экономического развития – в 1990-х гг., в период экономического роста и в 2009–2014 гг., характеризующихся влиянием глобальных кризисных явлений. Сделаны выводы о характере взаимосвязи доходов населения с валовым региональным продуктом на душу населения. Выявлены социальные риски в сфере доходов населения.

Ключевые слова:

доходы населения, тенденции, структура доходов, бедность, неравенство, этапы экономического развития, аграрный регион, Сибирский федеральный округ.

Abstract

The article deals with the results of statistical analysis of dynamics and differentiation of the population incomes in the Altay Kray compared with those in Russia and regions in the Siberian Federal District. Trends in population income per capita and average monthly wages, real incomes, income structure, poverty and inequalities at three phases of economic development, namely: in the 1990s, during the period of economic growth and in 2009–2014 characterized by impact of the global crisis have been analyzed, the features of interrelation of population income and gross regional product per capita and social risks in the sphere of population incomes being identified.

Keywords:

incomes of population, trends, structure of incomes, poverty, inequality, stages of economic development, an agricultural region, the Siberian Federal District, The Altay Kray.

Введение

Социально-экономические и политические трансформации в России последней четверти века наглядно отражаются в сфере доходов населения. Под влиянием перехода к рынку, кардинальных сдвигов в социально-экономической политике, а в последнее десятилетие в условиях глобального экономического кризиса и усиления внешнеполитического давления на экономику России сформировались современные тренды динамики и дифференциации доходов россиян, выражающиеся в кардинальных сдвигах в экономической и социальной структурах российского общества (см. в работах У. Алиева [Алиев, 2014, 1, с. 97–108], Т. Богомоловой [Богомолова, 2011, 2, с. 108–120], Е. Гонтмахера [Гонтмахер, 2013, 3, с. 68–81], Т. Заславской [Заславская, 2007, 4, с. 179–312], З. Калугиной [Калугина, 2012, 5, с. 117–129; Калугина, 2012, 6, с. 51–71], Л. Овчаровой и М. Малковой [Овчарова, 2008, 7, с. 15–56], Э. Райнерта [Райнерт, 2015, 8, с. 131–223] и др.). Наряду с общероссийскими в регионах действовали специфические факторы, определяющие конфигурацию динамики и дифференциации доходов населения. Наряду с геополитическими особенностями их развития особое место в этих процессах занимают такие экономические и политические драйверы, как инвестиционная привлекательность региона, ресурсная обеспеченность, экономическая специализация, приоритеты государственной региональной политики и уровень федеральной поддержки (подробнее в работах В. Бобкова [Бобков, 2012, 9, с. 46–58], И. Глазыриной и Е. Клевакиной [Глазырина, 2013, 10, с. 113–128], Н. Зубаревич [Зубаревич, 2010, 11, с. 8–62], М. Латышевой [Латышева, 2010, 12, с. 89–92], Е. Стукаленко [Стукаленко, 2014, 13, с. 183–187], А. Троцковского и И. Мищенко [Троцкий, 2013, 14, с. 138–145] и др.). В свою очередь именно доходы населения как компонент уровня жизни все в большей мере становятся импульсом социально-экономического развития региона, определяя привлекательность рабочих мест

в экономике и в целом устойчивое развитие условий жизнедеятельности людей.

В связи с этим интерес представляет Алтайский край – один из аграрных приграничных регионов Сибири. Здесь, с одной стороны, активное воздействие на доходы населения оказывают факторы экономической специализации (доля сельского хозяйства в экономике – 27,9% против 6,8% в РФ), а с другой – геополитическая специфика его развития, связанная с приграничным расположением на юге Сибири [Сергиенко, 15, 2013, с. 257–262]. Рассмотрим, как за два с половиной десятилетия менялись доходы населения, масштабы бедности и социально-экономических неравенств в Алтайском крае, его позиции по этим показателям на фоне России и Сибирского федерального округа (СФО). Особое внимание обратим на специфику трендов в годы активных рыночных реформ (1990-е гг.), период экономического роста (2000–2008 гг.) и на современном этапе (2009–2014 гг.), характеризующемся мощным влиянием внешнеэкономических и политических факторов, новыми акцентами в государственной политике.

Среднедушевые денежные доходы населения и заработная плата

В годы активного перехода к рынку (1990-е гг.) в России и ее регионах масштабная (в первое полугодие – галолирующая) инфляция определила картину стремительного роста среднедушевых денежных доходов населения (в номинальном выражении), лишь отчасти погашающего ее влияние. Алтайский край кардинально проиграл в этой гонке за инфляцией и вплоть до дефолтного 1998 г. регион ухудшал свои позиции на российском фоне. Если в 1990 г. доходы жителей края и заработная плата работников его организаций почти не отличались от российских (99,1% и 98,7%), то уже в начале реформ (1992 г.) доходы составляли 77,5% от аналогичной величины для России, а в 1998 г. упали до 52,6% (здесь и далее в качестве источника исполь-

зованы данные Росстата за разные годы). И лишь в последние годы десятилетия удалось остановить это падение (53,7% и 61,4% в 2000 г.) – табл. 1.

Столь значительное ухудшение положения края по доходам в стране соответствовало общему тренду для сибирских регионов. Ранее более высокие доходы сибиряков в этот период начали терять свои позиции на фоне доходов россиян. В 1995 г. они были уже чуть ниже средних по стране (95,7%), далее этот разрыв

постепенно увеличивался, и в 2000 г. доходы сибиряков составляли уже 84,7% – табл. 1. Вместе с тем ухудшение позиций сибиряков по доходам в сравнении с россиянами в тот период было связано в первую очередь с регионами аграрной специализации (такими, как Алтайский край) и республиками – национальными окраинами. Если в середине 1990-х гг. доходы жителей края составляли еще 70,6% от среднесибирских, то уже в конце десятилетия – 63,3%.

Таблица 1

**Среднедушевые денежные доходы населения и среднемесячная начисленная заработная плата работников организаций в 1990–2014 гг.,
руб. в месяц**

Показатель	Год								
	1990	1995	2000	2005	2008	2009	2010	2013	2014
<i>Доходы населения:</i>									
Российская Федерация	0,217	516	2281	8088	14864	16895	18958	25928	27766
Сибирский федеральный округ	...	494	1933	6731	13045	13714	15007	20454	21490
Алтайский край	0,215	349	1224	4640	9974	9868	11029	15979	18434
<i>Зарботная плата:</i>									
Российская Федерация	0,303	472,4	2223	8555	17290	18638	20952	29792	32495
Сибирский федеральный округ	0,327	553,3	2270	8110	15381	16606	18658	26398	28347
Алтайский край	0,299	332,2	1365	4914	9732	10872	12051	18011	19456

Годы активных рыночных реформ характеризуются процессом усиления межрегиональной дифференциации по среднемесячной заработной плате работников предприятий. В 1990-х гг. значительно усилились различия в динамике оплаты труда между аграрными и промышленными регионами с высокой долей добывающих отраслей. Значительный разрыв по оплате труда (до 2,5 раз) наблюдался между Алтайским краем и такими регионами СФО, как Кемеровская и Томская области, Красноярский край.

В годы экономического роста Алтайский край заметно восстановил позиции по дохо-

дам населения среди регионов России, хотя и не достиг уровня начала реформ. В 2008 г. уровень среднедушевых доходов жителей края достиг 67,1% от значения аналогичного показателя по России. Среди регионов Сибири в этот период Алтайский край характеризовался по-прежнему одним из наименьших значений среднедушевых доходов, хотя разница заметно сократилась и к началу глобального экономического кризиса они составляли 76,5% от доходов сибиряков – табл. 1.

Динамика отставания по среднемесячной заработной плате работников организаций Алтайского края от России и СФО имеет в этот

период противоположные тренды: если в сравнении с регионами СФО край немного улучшил свои позиции (с 60,1% в 2000 г. до 63,3% в 2008 г.), то в сравнении со страной значительно проиграл (уровень относительного показателя упал с 61,4% до 56,3%). Первое объясняется тем, что Сибирь значительно ухудшила свои позиции по зарплате: разница с Россией увеличилась почти в 5 раз (с 2,1% до 11%).

С начала глобального экономического кризиса край «поднялся» по доходам и зарплате населения по отношению к СФО и стране. И в 2014 г. доходы жителей края достигали уже 66,4% от средней по России и 85,8% – по сибирским регионам, а зарплата отставала от Сибири на 31,4%, от России – на 40,1% (табл. 1). В целом, несмотря на заметное сокращение почти двукратной разницы с Россией с начала 2000-х гг. (на 12,7 п.п.) и еще более сильное – в сравнении с СФО (на 22,5 п.п.), масштабы отставания края по доходам населения остались значительными. Столь же весомым сохраняется отставание по зарплате от страны, причем за тот же период его размеры почти не уменьшились, наблюдалось лишь сокращение различий с СФО (на 8,5 п.п.). Аутсайдерские позиции Алтайского края ярко проявляются как на фоне страны, так и сибирских регионов, с начала тысячелетия он занимает одну из последних позиций по доходам населения и почти стабильно последнюю позицию – по заработной плате с существенным отставанием от ближайших соседей (республик Алтай и Тыва).

Реальные доходы населения

Динамика реальных денежных доходов населения регионов России, в т.ч. Алтайского края, за более чем два прошедших десятилетия характеризуется следующими трендами:

- пиком обвального падения в 1991–1992 г. (период либерализации);
- кратковременным ростом в 1993–1994 гг., в Алтайском крае – в 1,4 раза только в 1994 г. (массовая приватизация);

- небольшим ростом, сменившимся более значительным их снижением в 1995–1999 гг., в крае – постепенным снижением (адаптационный период перехода к рынку в условиях высокой инфляции, дефолт рубля в 1998 г.);

- сравнительно устойчивым их увеличением в 2000–2008 гг., с высокими годовыми темпами, в Алтайском крае – от 7,5 до 25,8% (благоприятная международная конъюнктура цен на энергоносители, усиление влияния социально-экономической политики);

- существенным сокращением темпов роста с 2009 г., в крае – снижением реальных доходов на 13,1% в 2009 г. (глобальный экономический кризис, внешнеполитическое давление, экономические санкции) – рис. 1 (расчеты автора по данным Росстата). О характеристиках этапов экономического развития России см., например, в работах В. Мау [Мау, 2015, 16, с. 5–31], об особенностях их влияния на трансформацию активности населения на рынке труда и доходы населения – в работе автора [Сергиенко, 2013, 17, с. 172–196].

В целом характер динамики реальных доходов жителей Алтайского края соответствовал сибирским и общероссийским тенденциям, однако темпы падения доходов в 1990-х гг. значительно превосходили средний уровень по Сибири и России, что обусловило их значительно более низкий уровень: например, по Алтайскому краю – 18,8% от дореформенного уровня против 46% по стране. В годы экономического роста реальные доходы жителей Алтайского края росли более высокими темпами в сравнении с Россией и увеличились в 2,9 раза, что выше значения аналогичного показателя по стране (2,6 раза). Несмотря на более интенсивный восстановительный рост доходов жителей края в этот период, реальные доходы населения накануне глобального экономического кризиса (2008 г.) составили только чуть более половины от дореформенного уровня (54,5% к уровню 1991 г.).

Рисунок 1. Динамика реальных денежных доходов населения и реальной начисленной заработной платы работников организаций России и Алтайского края в 1992–2014 гг. (нарастающим итогом к 1991 г.), %

За исключением мощного падения реальных доходов в кризисном 2009 г. (на 13,1%) в последующие годы в крае наблюдался прирост со значительными колебаниями от 1,2% в 2011 г. до 9% в 2013 г. В итоге в 2014 г. Алтайский край смог выйти только на 62,2% от дореформенного уровня реальных доходов, тогда как Россия уже в 2002 г. преодолела этот рубеж и в 2013 г. достигла почти полуторного опережения (142,2%) – рис. 1. Но в 2014 г. в отличие от края, где реальные доходы населения продолжали расти, в России впервые с начала 2000-х гг. наблюдалось их небольшое сокращение (до 141,5%), что, учитывая современные кризисные явления в экономике, может стать предвестником будущих негативных изменений.

Реальная начисленная заработная плата работающих в экономике в России и Алтайском крае практически повторяет в своей динамике тренд реальных доходов. В период экономического роста реальная зарплата в

Алтайском крае выросла в 2,7 раза, погодовой прирост колебался в пределах от 6,3 до 15,4%. Вместе с тем со второй половины 2000-х данный показатель увеличивался чуть менее интенсивно, чем реальные доходы. В 2008 г. отставание по реальной зарплате составило только 48% от дореформенного уровня (против 54,5% по реальным доходам). Кризисный 2009 г. практически выровнял позиции реальной зарплаты и реальных доходов относительно дореформенного уровня и в 2014 г. В новом десятилетии среднегодовые темпы роста реальной зарплаты в крае, Сибири и стране в целом составили по 5%. Кризисные явления 2014 г. проявились в остановке роста реальной зарплаты в стране (до +1%) и пока в небольших потерях – в регионе (–0,1%). В этот год реальные доходы в Алтайском крае достигли 60,7% от дореформенного уровня, что также по доходам в 2,3 раза ниже российского уровня (138,9%).

Структура доходов населения

Вектора изменений структуры доходов населения Алтайского края в 1990-х гг. определялись более высокими по сравнению с российскими значениями динамикой и удельным весом доходов рыночного характера (связанных с развитием предпринимательства и институтов финансовой сферы) в общей структуре доходов населения и одновременно более низкими динамикой и долей социальных трансфертов и доходов от собственности, более низкими темпами падения доли оплаты труда. В крае удельный вес оплаты труда сократился с 73,3% в 1990 г. до 38,5% в 2000 г., что существенно ниже значений аналогичного показателя по Сибири и России в целом; в 1,8 раза вырос удельный вес доходов от предпринимательской деятельности и собственности – с 11% до 20,3% (максимальная величина данной статьи доходов зафиксирована государственной статистикой в 1998 г. – 37,5%). Доля социальных трансфертов в структуре доходов жителей края в тот же период выросла в полтора раза – с 12% до 18,1%. К началу периода экономического роста сформировалась более значительная зависимость жителей Алтайского края от государственных социальных трансфертов в сравнении с жителями других регионов Сибирского федерального округа.

С начала 2000-х гг. до последнего времени в Алтайском крае, как и в регионах Сибири и России в целом наблюдался существенный рост удельных весов таких ключевых элементов структуры доходов населения, как оплата труда и социальные выплаты, и напротив – значительное снижение долей доходов, полученных от предпринимательской деятельности, развития института собственности. Но в крае и регионах Сибири в целом значительно больше, чем в России выросла доля социальных выплат. В 2014 г. в Алтайском крае доля социальных выплат была выше на 7 п.п., чем в России (25% против 18%), доля оплаты труда – на 8,2 п.п. ниже (33,4% против 41,6%), и значительно отличались удельные веса доходов от

предпринимательства (8,7% и 8,4%) и от собственности (4,8% и 5,8% соответственно).

Доходы населения и экономический рост

В основе формирования уровня и структуры доходов населения, как известно, лежат экономические процессы, отражающиеся в показателях валового продукта, а также социальная политика перераспределительных отношений. Сравнительный анализ отставания Алтайского края от регионов СФО и РФ в целом по **валовому региональному продукту на душу населения**, фиксирующему результативность экономической деятельности, а также по среднедушевым доходам населения и заработной плате работников организаций, отражающих вознаграждение за полученный результат, показал следующее. *Во-первых*, по ВРП на душу населения отставание края и от регионов СФО, и от регионов России существенно выше отставаний по заработной плате и особенно по доходам населения, т.е. вознаграждение в крае выше результативности в экономике (табл. 2).

Во-вторых, с начала 2000-х гг. отрыв края от Сибири по ВРП на душу населения и по заработной плате уменьшился незначительно, на 7,4 п.п. (с 47,6% в 2000 г. до 40,2% в 2013 г.) и на 8,5 п.п. (с 39,9 до 31,4%) соответственно, тогда как разница по доходам населения сократилась в 2,6 раза (с 36,7% до 14,2%). Вместе с тем за этот период различия края с регионами России по ВРП на душу населения и по заработной плате практически не изменились (с 44,7% и 61,4% в 2000 г. до 45,6% и 59,9% в 2013 г.), лишь по доходам населения сократились почти в полтора раза (46,3% до 33,6%). Это свидетельствует, с одной стороны, о сравнительно сильной устойчивости трендов отставания края по показателям ВРП на душу населения и по заработной плате, а с другой стороны, о довольно весомом влиянии других факторов, позволивших заметно сократить различия по доходам населения. На наш взгляд, речь может идти прежде всего о влиянии социальной политики, перераспре-

ЗАНЯТОСТЬ И ДЕНЕЖНЫЕ ДОХОДЫ НАСЕЛЕНИЯ

делительных процессов в социально-экономической сфере в пользу отстающих регионов, поскольку именно доля социальных

трансфертов в крае растет более высокими темпами в сравнении со страной и Сибирью.

Таблица 2

Соотношение среднедушевых денежных доходов населения, среднемесячной начисленной заработной платы работников организаций и валового регионального продукта на душу населения Алтайского края с аналогичными показателями СФО и РФ в 1995–2013 гг., %

Показатель	Год								
	1995	2000	2005	2008	2009	2010	2011	2012	2013
<i>ВРП на душу населения:</i>									
Алтайский край к регионам СФО	56,7	52,4	54,0	59,4	62,0	58,3	55,2	57,0	59,8
Алтайский край к регионам РФ	61,1	44,7	42,8	44,6	48,7	47,4	43,4	44,0	45,6
<i>Среднедушевые доходы населения:</i>									
Алтайский край к регионам СФО	70,6	63,3	68,9	76,5	72,0	73,5	75,4	74,4	85,8
Алтайский край к регионам РФ	67,6	53,7	57,4	67,1	58,4	58,2	60,2	59,1	66,4
<i>Среднемесячная заработная плата:</i>									
Алтайский край к регионам СФО	60,0	60,1	60,6	63,3	65,5	64,6	66,2	67,3	68,6
Алтайский край к регионам РФ	70,3	61,4	57,4	56,3	58,3	57,5	59,2	60,5	59,9

Динамика бедности

Рост бедности населения (доли населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума в общей численности населения) наблюдался в 1990-х гг. в России и всех ее регионах, однако динамика бедности во многих сибирских регионах была одной из наиболее неблагоприятных. Как следствие, в 2000 г. уровень бедности в СФО превышал

средний по России в 1,7 раза (48,1% против 29% по РФ). Это относилось к 9 из 12 регионов. В этот период в Алтайском крае максимальная величина уровня бедности зафиксирована статистикой в 1998–2000 гг., когда более половины всего населения (54–57%) получали доходы ниже прожиточного минимума, т.е. находились за чертой бедности (рис. 2).

Рисунок 2. Динамика уровня бедности в России и Алтайском крае в 1992–2014 гг.

За 1993–2000 гг. рост доли бедного населения в общей его численности в Алтайском крае составил 2,4 раза, что определялось более значительным снижением реальных доходов населения и спадом экономики, не подкрепленными адекватными мерами по стимулированию экономической активности населения и активной социальной поддержкой его бедных категорий. Причем если в первой половине 1990-х гг. масштабы бедности в крае несущественно отличались от средне-российского уровня, то во второй половине опережение региона по данному показателю составляло 2–2,2 раза.

Экономический рост в 2000-х и приоритетность борьбы с бедностью в политической повестке дня России с середины десятилетия привели к кардинальному сокращению масштабов бедности [2, 8, 17]. Этот период ознаменовался в регионах России довольно устойчивым сокращением бедности (в стране до 13,1% в 2008 г., в 2,2 раза). Даже глобальный экономический кризис не повлиял на этот позитивный тренд. Эта тенденция сохранила устойчивость до 2013 г. В 2014 г. наблюдался небольшой рост бедности (11,2%), обусловленный кризисными явлениями в экономике.

В Алтайском крае годы экономического роста также характеризуются устойчивым

сокращением бедности. Уровень бедности сократился почти в три раза с начала тысячелетия, до 19,0% в 2008 г. (на 4 п.п. ниже уровня 1993 г.). К началу глобального экономического кризиса разрыв с российским уровнем составлял 1,4 раза (меньше было только в 2006 г. – 1,3 раза).

В этот период улучшились позиции Алтайского края в СФО: относительная разница со средним уровнем по Сибири сократилась с 29% до 19%. Глобальный кризис лишь на один год «сломав» позитивную тенденцию: в 2009 г. уровень бедности в крае вырос на 14,4 п.п., достигнув 24,4%.

За последнюю «пяtilетку» (2010–2014 гг.) бедность уменьшилась до 17,0%, что заметно ниже лучших показателей периода экономического роста. На фоне регионов Сибирского федерального округа уровень бедности в Алтайском крае заметно выше среднего, регион «уступает» по данному показателю только республикам Алтай и Тыва.

Дифференциация доходов населения

Вместе с ростом бедности в 1990-х гг. в России наблюдались активные процессы социальной поляризации общества по доходам, вызванные формированием рыночной экономики и спецификой приватизационных

процессов в стране. На первом этапе реформ (1992–1994 гг.) значения коэффициента фондов (соотношение денежных доходов 10% наиболее и такой же доли наименее обеспеченного населения) и коэффициента Джини (индекса концентрации доходов, отражающего степень неравномерности распределения доходов по отдельным социальным группам) увеличились в 2–3 раза и достигли максимального значения – 15 раз и 40,9% соответственно (для сравнения: в 1991 г. – 4,5 раза и 26%) – рис. 3.

После этапа массовой приватизации, с 1995 по 2000 гг., происходило уже некоторое сокращение и последующая стабилизация различий в денежных доходах россиян: коэффициента фондов – на отметке 14 раз, коэффициента Джини – на уровне 40%. Для сравнения: неравенства по доходам в развитых странах в этот период в ряде случаев были заметно ниже (коэффициент Джини был равен 25–35%).

В годы экономического роста Россия с все большим отрывом превышает 10-кратную планку по разнице в доходах 10% богатых и 10% самых бедных, за которой, по мнению зарубежных ученых, должно прекратиться устойчивое развитие общества, без социальных потрясений и катаклизмов. Максимальное значение показателя наблюдалось в конце периода экономического роста, в 2008 г., тогда коэффициент фондов достиг 16,9 раз. Годы влияния глобального экономического кризиса привели к стабилизации и незначительному сокращению данного показателя до 16,0 раз в 2014 г. (для сравнения: в 2000-х такой коэффициент составлял 12–14 раз в США, 6–7 раз – в Европе, 4 – в Скандинавских странах; даже в Латинской Америке разрыв был меньше – 14–15 раз). Другой показатель расслоения, коэффициент Джини, показывает аналогичные тренды в России; постепенно сокращаясь с 2009 г., в 2014 г. он достиг 41,6%.

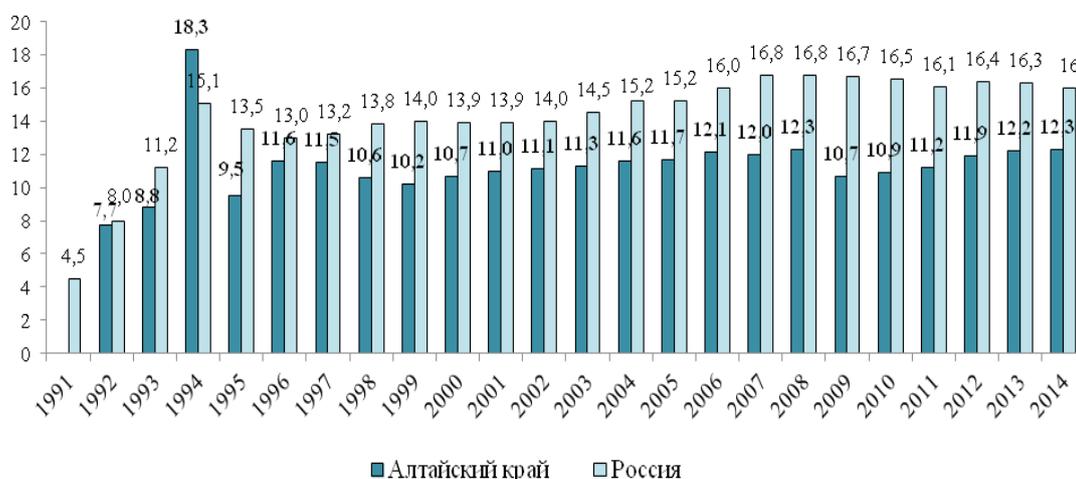

Рисунок 3. Соотношение доходов 10% наиболее и 10% наименее обеспеченного населения (коэффициент фондов) в России и Алтайском крае в 1991–2014 гг., в размах

Дифференциация по доходам населения в Алтайском крае заметно отставала от аналогичной в стране, хотя характер динамики им соответствовал. Особенно активно различия нарастали в первой половине 1990-х. Наибольшее значение коэффициента фондов в тот период наблюдалось в 1994 г. (18,3) и было

заметно выше российского уровня (15,1), для сравнения: в 1991 г. – 4,5. Во второй половине десятилетия значение данного показателя сокращалось и стабилизировалось на уровне 10–11 раз.

Благоприятные годы экономического роста не остановили процесс дифференциации

(вопреки снижению бедности [2, 3, 12-17]), напротив, придав ему характер устойчивой тенденции. В этот период различия в денежных доходах крайних децильных групп постепенно выросли с 10,7 раз в 2000 г. до 12,3 раз в 2008 г., лишь под влиянием глобального кризиса в 2009 г. коэффициент фондов вернулся на прежние позиции. Последующие пять лет ушли на восстановление прежних масштабов дифференциации, и в 2014 г. коэффициент фондов в регионе заметно вырос, вновь достигнув максимальной величины конца периода экономического роста (12,3 раза) – рис. 3. Разница в масштабах дифференциации доходов между Россией и Алтайским краем составила уже более 1,3 раза («в пользу» страны).

Динамика коэффициента Джини за два десятилетия в Алтайском крае соответствует обозначенным выше тенденциям коэффициента фондов. Максимальное значение данного коэффициента отмечено также в 1994 г. (43,3%), с 1995 г. оно не превышало 40%. Рост показателя в годы экономического роста завершился в 2008 г. на отметке 38%, что было на 11 п.п. ниже российского уровня. Глобальный экономический кризис также развернул на один год кривую динамики коэффициента Джини вниз до уровня 2000 г. (36%), а затем с 2010 г. вернул тенденцию к социальному расслоению вспять. И в 2014 г. данный коэффициент составил уже 38%, что соответствует уровню 2008 г.

Выводы

Итак, анализ доходов населения Алтайского края за последнюю четверть века позволил выявить региональные особенности качественных изменений трендов доходов и их дифференциации. В период активных рыночных реформ в крае большинство негативных процессов в сфере доходов населения имело более острый характер в сравнении с СФО и Россией, среди них: более значительные по масштабам (до полутора-двух раз) падение реальных доходов, снижение доли заработной платы в доходах, рост бедности.

В годы экономического роста Алтайский край характеризовался значительной положительной динамикой реальных доходов и оплаты труда, отличался более интенсивным сокращением масштабов и глубины бедности в сравнении со страной и СФО. Вместе с тем с середины 2010-х гг. в регионе по-прежнему сохраняется значительное отставание по среднедушевым доходам, край стабильно занимает самую низкую позицию в Сибири по заработной плате. Реальные доходы и зарплата достигают только 60-процентной планки дореформенного уровня. Не удалось вплотную приблизиться и к более низким показателям бедности в России и СФО, хотя различие по доходам населения в крае существенно меньше.

Несмотря на позитивные социально-экономические изменения в Алтайском крае с начала 2000-х гг. и прежде всего в годы экономического роста, вектор этих изменений в период влияния глобального экономического кризиса (2009 г.) и в последнее время оказался неустойчивым, что отразилось на падении реальных доходов и росте бедности. В частности, значительные масштабы бедности жителей Алтайского края и его «падение» на нижние позиции в рейтинге доходов населения сибирских регионов и страны позволяют сделать вывод о сохранении реальных рисков его устойчивому социально-экономическому развитию, вопреки влиянию социальной политики, перераспределительных процессов в социально-экономической сфере в пользу отстающих регионов, а также новым шансам развития экономики и роста конкурентных преимуществ, которые получили аграрные регионы в связи с политикой импортозамещения и стимулирования инноваций.

Наряду с Алтайским краем бедность в Сибири концентрируется в настоящее время в 7 из 12 регионов, где показатели ее уровня более чем в полтора раза превышают средние значения по России, хотя при этом показатели различий по доходам населения заметно ниже. Эти регионы образуют территориаль-

ную зону социального неблагополучия, по отношению к которой можно разрабатывать и применять региональную политику повышенного внимания к доходам и бедности. Причем в последние два года очагами концентрации бедности в Сибири является не столько аграрный Алтайский край, сколько национальные окраины России с традиционно более отсталой экономикой и социальной сферой (уровень бедности в республиках Алтай и Тыва – 20,7 и 34,7% соответственно).

Неустойчивость позитивных трендов динамики доходов населения в Алтайском крае, как впрочем и в Сибири и России в целом, наметившиеся негативные процессы определяются не только глобальным кризисом, но и во многом несистемным характером государственной социально-экономической политики по стимулированию экономической активности населения, формированию социальных лифтов преодоления бедности и борьбе с чрезмерным социальным расслоением (в работах Е. Гонтмахера [Гонтмахер, 2013, 3, с. 73–

81], З. Калугиной [Калугина, 2012, 6, с. 62–65], Л. Овчаровой и М. Малковой [Овчарова, 2008, 7, с. 40–56], а также автора статьи [Сергиенко, 2013, 17, с. 225–267]). Масштабы бедности и неравенства по доходам в Алтайском крае и ряде сибирских регионов по-прежнему являются социальными вызовами, внимание к которым со стороны государственных органов управления не должно ослабевать в силу необходимости укрепления национальной безопасности страны, ее экономической и социальной составляющих, устойчивого развития регионов. Перспективы роста реальных доходов, сокращения масштабов бедности и социально-экономических неравенств зависят от роста экономики региона, системных механизмов повышения уровня и качества жизни, стимулирования экономической активности, предпринимательства, определяемых во многом государственными приоритетами, а также интеграцией усилий государственных и местных органов власти, бизнеса и институтов гражданского общества.

Список литературы

1. Алиев У.Т. Экономический рост, уровень жизни и неравенство в нефтедобывающих странах постсоветского пространства // Уровень жизни населения регионов России. – 2014. – №2 (192). – С.97–108.
2. Богомолова Т.Ю. Траектории перемещения населения России в пространстве «бедность – не бедность» в 1990-2000-е годы // ЭКО. – 2011. – № 5. – С. 108–120.
3. Гонтмахер Е.Ш. Российские социальные неравенства как фактор общественно-политической стабильности // Вопросы экономики. – 2013. – №4. – С. 68–81.
4. Заславская Т.И. Избранное. Трансформационный процесс в России: в поиске новой методологии. – М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2007. Т. 2.
5. Калугина З.И. Социальные риски модернизации российской аграрной экономики // Отечественные записки. – 2012. – №6. – С. 117–129.
6. Калугина З.И. Социальные риски воспроизводства человеческого капитала в Сибири // Перспективы и риски развития человеческого потенциала в Сибири

Refereces

1. Aliyev U.T. Economic growth, living standards and inequality in oil-producing countries of post-Soviet space // Level of population life in regions of Russia. – 2014. – №2 (192). – P. 97–108.
2. Bogomolova T.Yu. Trajectories of movement of the population of Russia in space «poverty – not poverty» in 1990-2000s // EKO. – 2011. – No. 5. – S. 108–120.
3. Gontmakher E.Sh. Russian social inequality as a factor of political stability // Voprosy Ekonomiki [Issues of Economics]. – 2013. – No. 4. – P. 68–81.
4. Zaslavskaya T. I. Selected works. Transformational process in Russia: in search of a new methodology. – M.: JSC «Publishing house «Economy», 2007. Vol.2.
5. Kalugina Z.I. Social risks of agricultural modernization of Russian economy // Otechestvennye Zapiski. – 2012. – No. 6. – P. 117–129.
6. Kalugina Z.I. Social risks for reproduction of human potential in Siberia // Perspectives and risks for the development of human potential in Siberia / editor-in-

- / отв. ред. В.В. Кулешов. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2014. – Гл. 5. – С. 51–75.
7. Овчарова Л.Н. Динамика уровня бедности и доходов населения в условиях экономического роста в России / Л.Н. Овчарова, М.А. Малкова // Российские домохозяйства накануне финансового кризиса: доходы и финансовое поведение / Отв. ред. Л.Н. Овчарова. – М.: Независимый институт социальной политики, 2008. – С. 15–56.
8. Райнерт Э.С. Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными / пер. с англ. Н. Автономовой; под ред. В. Автономова. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015.
9. Бобков В. Межрегиональное неравенство уровня жизни: состояние и вектор развития // Экономист. – 2012. – № 12. – С.46–58.
10. Глазырина И.П. Экономический рост и неравенство по доходам в регионах России / И.П. Глазырина, Е.А. Клевакина // ЭКО. – 2013. – №11. – С. 113–128.
11. Зубаревич Н.В. Регионы России: неравенство, кризис, модернизация. – М.: Независимый институт социальной политики, 2010.
12. Латышева М.А. Статистическое исследование дифференциации российских регионов по уровню социально-экономического развития // Вестник Волгоградского государственного университета. – Сер. 3: Экономика. Экология. – 2010. – Вып. 1. – С. 89–92.
13. Стукаленко Е.А. Дифференциация доходов населения: причины и последствия // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». – 2014. – №1. – С. 183–187.
14. Устойчивое развитие сельских территорий Алтайского края: социально-экономические и пространственные аспекты: коллективная монография / науч. ред. А.Я. Троцкий. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2013.
15. Сергиенко А.М. Бедность и различия по доходам населения в сибирских регионах аграрной специализации // Известия Алтайского государственного университета. – 2013. – № 2/2. – С. 257–262.
16. Мау В. Социально-экономическая политика России в 2014 году: выход на новые рубежи? // Вопросы экономики. – 2015. – №2. – С. 5–31.
17. Сергиенко А.М. Активность населения на рынке труда: тенденции и механизмы трансформации в регионах Сибири в годы рыночных реформ: монография. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2013.
- chief V.V. Kuleshov. – Novosibirsk: SB RAS Publishing house, 2014. – P. 117–129.
7. Ovcharova L.N. Dynamics of poverty and incomes in conditions of economic growth in Russia / L.N. Ovcharova, M.A. Malkov // Russian households before the financial crisis: income and financial behavior / executive editor L.N. Ovcharova. – Moscow: Independent Institute for social policy, 2008. – P. 15–56.
8. Reinert, E.S. How rich countries got rich and why poor countries stay poor / translation from English by N. Avtonomova; ed. by V. Avtonomov. – M.: Publishing House of the Higher school of Economics, 2015.
9. Bobkov V. inter-regional inequality of living standard: state and vector of development // the Economist. – 2012. – No. 12. – P. 46–58.
10. Glazyrina I.P. Economic growth and income inequality in Russian regions / I. P. Glazyrina, E. A. Klevakina // ЭКО. – 2013. – No. 11. – P. 113–128.
11. Zubarevich N.V. Regions of Russia: inequality, crisis, modernization. – Moscow: Independent Institute for social policy, 2010.
12. Latysheva M.A. Statistical research of differentiation of Russian regions by level of socio-economic development // Vestnik of Volgograd state University. – Ser. 3: Economy. Ecology. – 2010. – Vol. No. 1. – P. 89–92.
13. Stukalenko E.A. Income disparities: causes and consequences // Bulletin of Omsk University. Series «Economics». – 2014. – №1. – P. 183–187.
14. Sustainable development of rural areas of Altai territory: the socio-economic and spatial aspects: collective monograph / scientific editor A.J. Trotskovsky. – Barnaul: Publishing house Alt. University press, 2013.
15. Sergiyenko A.M. Poverty and Differences in Population Incomes in Siberian Regions with Agrarian Specialization // Izvestiya of Altai state University. – 2013. – No. 2/2. – P. 257–262.
16. Mau V. Socio-economic policy of Russia in 2014: entering new frontiers? // Voprosy Ekonomiki [Issues of Economics]. – 2015. – No. 2. – P. 5–31.
17. Sergiyenko A. M. Activity of the population in the labour market: trends and transformation mechanisms in the regions of Siberia in the years of market reforms. – Barnaul: Publishing house of ASU, 2013.